

A woman with long, wavy blonde hair and blue eyes, wearing a light pink dress, is looking over her shoulder towards the camera. In the background, a large, ornate sandcastle stands on a beach at sunset. The sky is filled with warm orange and red tones, and there are sparkling particles floating in the air. The overall scene is magical and romantic.

ЕЛИЗАВЕТА ЛЕЩЕНКО

ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК

Елизавета Лещенко

Песочный замок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30085214

SelfPub; 2024

Аннотация

В окружающей нас реальности мы стремимся выделить некое подпространство, маленький суверенный мир, который считаем или называем своим. И абсолютно у каждого этот мир – уникальный. А иногда мы можем отрешиться от окружающего и погружаться внутрь, и вдруг оказывается, что там тоже есть мир. А в точке соприкосновения этих двух миров происходят удивительные вещи.

Содержание

Песочный замок	4
Сон. Любовь. Перевоплощение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елизавета Лещенко

Песочный замок

Песочный замок

Наконец-то выдался солнечный и ветреный день. По небу плыли легкие, как перья, случайно выпавшие из старой мягкой подушки, облака. Воздух был свежим, хрустально-чистым, как горный ручей, хотя стояла середина лета.

Я пообещал Макс, что мы это сделаем, как только наладится погода, и вот мы складываем вещи в кузов выдавшего виды пикапа с побитыми, как у старой рыбацкой лодки, боками: большой пляжный зонт, ведра для песка и воды, лопатки и шпатели, стеклышки, пластмассовые и деревянные рейки, рассортированные по размеру камни, кусочки кварца, отшлифованные океаном осколки цветных стекол, раковины моллюсков, флажки и гербы, вырезанные из клеенки, самодельный трафарет, дощечки и краски.

На то чтобы собрать и рассортировать все это, у нас было почти две недели: лето выдалось дождливым. И я, и Макс надели рубашки из фланели, которые недавно нашли на чердаке: на днях я влез туда поискать кисти и грунтовку, и Макс, конечно, увязался за мной – совать свой любопытный нос во все дальние углы запыленного, пропахшего старой соломой

чердака.

Так мы и нашли коробку, подписанную раскосым женским почерком. Конечно, надпись было не разобрать: буквы стерлись, а сама коробка разломилась, как яичная скорлупа, когда мы попытались ее поднять.

В ней оказался сверток, пересыпанный тальком и сухими травами, и несколько хранивших слабый запах бутонов дикой розы.

В свертке лежали несколько рубашек, сшитых, по-видимому, вручную. Расцветки были простые, но нам нравились оттенки, к тому же, две рубашки отлично подходили нам обоим по размеру, пришлось лишь немного подкатать рукава.

На мне был джинсовый комбинезон, протертый в коленях, в пятнах краски, олифы и еще бог знает чего. В таком же состоянии были джинсы Макса, к тому же за последний год он сильно прибавил в росте, и теперь они едва прикрывали середины икр.

В общем, выглядели мы здорово: прямо-таки фермеры, отец и сын, пересекая кукурузное поле угодившие во временную яму, и случайно перепрыгнувшие из одного столетия в другое.

И нас это вполне устраивало. Здесь мы могли себе это позволить и наслаждались такой свободой.

В маленькой деревне, отважные жители которой некогда промышляли продажей всяких диковин, добытых в океане

или выброшенных из его недр, теперь почти никто не селился из-за штормов, бушевавших в демисезон, да и ближайший город, разрастаясь, затягивал в себя все вокруг. Большинство домиков стояли заброшенными, медленно срастающимися с землей.

В начале лета еще можно было заметить немногочисленных стариков-старожилов, заново перекрывающих крышу после очередной весенней бури. Трясаясь на холмистой дороге, мы махали им из машины, направляясь к дому, на этом, как правило, наше общение с соседями заканчивалось.

Дом, лет пять назад доставшийся мне в наследство от дальнего бездетного родственника, был самым крайним в деревне. Он один стоял (точнее, лежал в ложбинке между двумя невысокими холмами) за большим оврагом.

Коммуникации сюда не дотягивались, но во дворе стоял когда-то по совести построенный колодец, вода в нем была чистая, как из родника, а для мини электроплиты, пары фонарей и ночника нам хватало небольшой солнечной панели.

Забором служили заросли кустарника и старые деревья на холмах. Большой лохматый Фрэд бессменно стерег наш сон, хотя лаять ему приходилось разве что на ежей и ящериц.

Я помню, что ребенком, будучи не старше, чем Макс сейчас, однажды прожил здесь неделю или две, пока родители были в отъезде. Помню добрые и пронизательные глаза дядюшки, тогдашнего хозяина дома, прихожую, увешанную и уставленную сувенирами из раковин и жемчужин, которые

он делал прямо здесь... Но больше не помню ничего. Как будто накатила штормовая волна и смыла кусочек памяти, как песочный замок вместе с...

Если я пытаюсь вспомнить, голова как будто лопается от шума и цветовых вспышек, и я предпочитаю забывать.

Когда я в первый раз ехал сюда, только вступив в наследство, чтобы привести в порядок дом и участок вокруг него (хотя формальных границ фактически не было, ближайшие соседи жили дальше, чем за километр), Макс (тогда он был гораздо младше, но не менее упрямым) упросил меня взять его с собой.

Мы собирались пробыть здесь около месяца, и, конечно, позвали с собой и Сару (тогда еще все мы жили вместе), но она раздраженно ответила: «Что можно делать в этой дыре?!»

Я сказал, что не стоит так резко судить о месте, в котором ты даже не был, и что если ей совсем уж не понравится, мы отвезем ее домой. Ее лицо исказилось странной гримасой, то ли озлобленности, то ли боли, и она, молча хлопнув дверью, вышла из дома.

Ее реакция меня расстроила, но не удивила: уже тогда это была далеко не первая наша ссора на ровном месте и всего каких-нибудь полгода спустя ее отчаянные попытки вписать не совсем нормального меня в свою «абсолютно нормальную» жизнь увенчались полным крахом, и мы расстались друзьями.

Так и получилось, что мы с Максом стали проводить здесь отпуск вдвоем.

* * *

Иногда я думаю, что мог бы жить здесь круглый год, если бы не штормы.

Не то чтобы я был из тех, кто, испугавшись, бежит в свою норку, едва заслышав участившееся дыхание стихии, или из тех, кто будет сокрушаться о том, что крышу их новенького гаража снесло ураганом. Вовсе нет: я готов подставлять свое тело под хлесткие удары взбесившейся соленой воды, готов захлебываться порывистым, рвущим легкие увлажненным воздухом – все это как будто вдыхает в меня новую жизнь. И я не боюсь работы.

Дело в другом. Волны на песке.

Я не могу видеть волны, обрушивающиеся на песок: моя голова взрывается.

* * *

В холодное время года я обитаю в небольшой, но комфортной квартире, которую снимаю с тех пор как я и Сара не живем вместе.

На самом деле, она привлекла меня не тем, что находит-

ся совсем близко от моей работы и школы, в которую ходит Макс (я часто заезжаю за ним, и мы вместе обедаем), я понял, что поселюсь здесь, когда посмотрел в окно.

Этот высотный дом новомодной элитной застройки был единственным в квартале новым домом, а квартал, наверное – единственным в городе – образцом сохранившейся старинной застройки.

Дворик, мощеный брусчаткой, по периметру окружали уголки двух-трехэтажных зданий с крышей из красной черепицы, маленькими окнами-арками, бирюзовыми, кирпично-желтыми, зелеными, цвета густой лесной листвы стенами. В центре дворика – башня – высокий цилиндр из светло-красного, выгоревшего на солнце почти в розовый, кирпича, с макушкой-шляпой – темно-синим конусом, с циферблатами-лицами луны и солнца, смотрящими на юг и север.

Я архитектор, и равнодушен к таким вещам, но это нечто большее.

Все равно что заглянуть в лицо своей первой любви: оно может быть безжизненным, уставшим, раздраженным или отчужденным, но ты всегда видишь на нем отблики волшебного мира, того же, что спрятан в самых сокровенных уголках твоего сердца.

И я смотрел. Сквозь утренний туман и поверх чернильных клякс сгущающегося вечера, жмурясь беспощадно-яркому свету дня и щурясь от фосфоресцирующего ночного освещения. Капля за каплей воскрешая в душе нечто забы-

тое, но важное, осязаемое, но не осязаемое, неосознанное, но живое.

* * *

Когда я, едва закончив университет, получил работу в дочерней компании крупной немецкой строительной фирмы, то, честно сказать, был сильно удивлен. Я выбрал эту специальность не потому, что рассчитывал на престижную работу, а скорее потому, что все это чем-то похоже на то, что я действительно люблю делать.

К тому же, эскизы, чертежи и вычисления давались мне без особого труда, и я всегда выкраивал время для любимого хобби, без которого, как мне тогда казалось, не смог бы жить.

Но чем успешней складывалась моя карьера (вскоре я получил должность ведущего архитектора крупных проектов), тем реже я мастерил что-нибудь новое.

Не то чтобы я не мог найти время. Просто, когда я начинал, что-то всегда шло не так. Как будто руки стали не те. Выходило карикатурно и безжизненно. И за последние четыре года я не закончил ни одной работы.

Зато всем старым шедеврам теперь нашлось место (мы даже оборудовали специальную витрину-колпак) в бывшей мастерской деревенского дядюшки, и они наконец перестали валяться, пылиться и квартироваться где попало.

Максу особенно нравятся замки, но здесь есть и домик на

дереве, и нора хоббита, и хижина рыбака, и шалаш индейца, и тайная пещера пирата.

Ну и, конечно, у всех этих домов есть обитатели или хозяева – маленькие фигурки, сделанные из всего, что удалось найти и использовать, оживленные красками и тушью.

Когда уходит волшебство, приходится заполнять пустоту, оставшуюся после него, чем-то другим. И я работал.

Проекты под моим началом получались один успешнее другого: о нас писали газеты, мэр жал мне руку, перерезая очередную ленточку, однажды меня даже пригласили на телевидение, но я отказался (к счастью, мой отказ был принят с пониманием).

Успех тяготил меня. Я чувствовал себя уставшим и пустым.

Зато Сара, казалось, чувствует себя прекрасно. Она быстро вжилась в роль светской леди, и как минимум каждые две недели устраивала в доме прием для тех, с кем, по ее мнению, нам было «нужно» или «важно» дружить. Богема, чины, лица, по тем или иным причинам мелькавшие в новостях... Это были полуофициальные вечеринки с деликатесами, коктейлями и светскими сплетнями, по всем правилам хорошего тона поданными на десерт.

Я не мог «продержаться» в такой обстановке дольше пятнадцати минут, сбегал через задний выход, садился в машину и выезжал за черту города – смотреть на закат, слушать скрип деревьев и шум ветра.

Не раз мы ругались из-за того, что я, не обращая внимания на гостей, выходил в зал в порванных джинсах, измятой толстовке, всклокоченным и небритым.

Я делал все это не назло и не напоказ, скорее, это была естественная реакция. Я вовсе не хотел становиться важной персоной, на которую все приходят посмотреть. Я хотел чего-то другого. Совсем другого, и теперь это что-то ускользало, убегало, испарялось, безвозвратно таяло в порочной мишуре.

Сара становилась все более отчужденной и холодной. Наши отношения стали походить на формальное общение двух ненавидящих друг друга сотрудников, вынужденных делить один на двоих тесный кабинет.

Теперь она все больше походила на свою мать – женщину, носившую дорогие элегантные костюмы, классическую обувь и дорогую бижутерию, посещавшую только элитные салоны красоты и никогда не оставлявшую на чай официанткам.

Но когда-то я знал совсем другую девушку. Мы познакомились на какой-то студенческой вечеринке. Я, споткнувшись о нагромождение пар обуви у входа в комнату, буквально влип лицом в ее белокурые волосы, пахшие весной, осенью, свежестью холодного утра и беззаботным смехом. И следующие полгода мы не расставались почти ни на день.

Это была Сара, собиравшая полевые цветы, чтобы вплести их в волосы, Сара, знавшая голоса и имена всех птиц в

лесу, Сара, никогда не пересчитывавшая сдачу в магазине, Сара, не различающая марки машин, Сара, улыбка которой была настоящей, ласковой, как мягкий лунный свет.

Я не знал, куда исчезла та девушка, но я очень скучал по ней.

* * *

Итак, мы на берегу, и я снова попробую, несмотря на многолетние неудачи, создать что-нибудь стоящее.

И Макс будет мне помогать.

Его светлые, почти как у мамы, волосы развеивает ветер, не слишком слабый, чтобы солнце не обжигало нашу кожу, не слишком сильный, чтобы океан не проглотил то, что мы будем строить.

Мы хотим возвести из влажного песка целый городок, на это уйдет несколько дней, но сегодня – так захотел Макс – мы начнем с замка, вокруг которого вырастет все остальное.

Я тщательно выбирал место: не слишком далеко от деревни, не слишком близко к океану. Я долго бродил босиком по песку вдоль и поперек просторного берега. Но всегда возвращался сюда. Я не знал, почему это так, но знал, что так нужно. Я чувствовал ответственность и уверенность одновременно, силу и азарт. Как будто впервые смог стоять на руках без опоры, и перевернутый мир в твоих глазах стал чем-то естественным, восприятие уже не зависит от точки

обзора...

Сейчас прилив. До воды метров двести, до основания берегового холма – чуть меньше. Я стою прямо. Линия моего взгляда упирается в край песчаной косы, по обе ее стороны – небольшие отмели. Это единственное место на всем обозримом побережье – безопасное место. Сегодня волны небольшие, скорее, мелкая рябь, и шум в моей голове больше походит на едва различимый шепот. Он не сводит меня с ума, а помогает действовать.

Мы начинаем работу.

Ров по периметру, сетка каналов. Первая насыпь, следующий уровень, башенки на стене, верхний ярус, арка, проем, конус.

Пол внутреннего зала выложен ракушками, окошки-стеклышки оставляют на нем цветные следы. Вот кварцевый трон, вот известковый стол, фигуры слонов в углах зала, винтовая лестница на смотровую башню, птица с лицом, обращенным на восток, золотая вязь на северной стене, герб замка – солнце в раковине – над верхушкой башни.

Макс терпеливо подавал мне все, что я просил, каким-то чудом распознавая мое полуразборчивое бормотание, копал, ровнял, мостил и клеил.

За все это время мы не обменялись ни одним лишним словом.

Еще пара деталей, несколько едва ощутимых движений шпателем и кистью, и я понимаю, что замок готов, делаю

пару шагов назад на едва слушающихся, полуонемевших от долгой работы ногах, снова сажусь на песок.

Где-то слева слышны едва уловимые ухом бормотание и возня, я даже разбираю пару фраз:

«Он опять сделает все не так!»

«Да не ворчи, лучше посмотри, как украшен зал! Сколько света!»

Поначалу я решил, что к нам подкрались дети из местной деревни, но тут же вспомнил, что детей здесь давно нет, а Макс побрел за термосом к пикапу, сейчас я видел его спину и джинсы, сзади перепачканные мокрым песком.

Тогда я сказал себе, что перегрелся на солнце, увлекшись работой.

Там, откуда мне слышались голоса, какое-то насекомое или краб выкапывалось из своей песочной норки.

Потом «краб» отряхнулся, совсем как собака, только вылезшая из воды, чихнул, хлопнул себя руками по бокам, топнул, подпрыгнул, присвистнул, покрутился вокруг своей оси, ненадолго застыл, подняв одну ногу, как бы невзначай приветственно махнул мне, и направился к замку.

Теперь он переплывает ров в лодке-раковине, весло – перо альбатроса, поднимается по лестнице в тронный зал.

Сейчас я уверен, что им ничто не угрожает, воспоминания о той трагической неудаче из далекого прошлого, когда я еще не совсем понимал, что делаю, больше не причиняют невыносимой боли, я могу пролистать их, как старый диа-

фильм, пробную пленку перед настоящей работой, принять как опыт.

Тогда замок мистера Ивó простоял на берегу всего пару дней, пока не начался шторм, и большие волны, одна за другой, размывали арки, ступени и башни, превращали в безжизненный мокрый песок еще недавно двигавшиеся фигурки.

Уйдя в свои мысли, я не заметил, что Макс уже вернулся с термосом и даже сунул мне в руки кружку с почти горячим кофе. Я механически прихлебывал его, остекленевшими глазами уставившись в одну точку, и еле заметно шевеля губами, «произносил» беззвучные реплики.

Сейчас молчаливый мистер Ши, смешливая принцесса Маэ и остальные человечки, успевшие появиться в замке (кроме мистера Ивó, он, заложив руки за спину, бродил по залу, измеряя шагами его диагонали, и едва заметно улыбался) спешно старались найти укрытие, вжимались в ниши, втискивались между колоннами, забирались под столы.

– Почему они прячутся? – Немного уставший, но звонкий голос Макса пробудил меня. До этого момента я не мог определиться, кем я считаю маленьких песочных человечков, появившихся в замке, который я снова построил. Я мог принять их реальность для себя, но я не задумывался о том, что они могут быть так же реальны для другого живого человека. Как будто мир моего творчества был наглухо отделен непроницаемой стеной от «реального», или материального мира,

в котором мне довелось жить.

И вот эта стена неожиданно обрушилась, как будто простой вопрос ребенка оказался ключом к потайной двери, которую никто и никогда не пытался открыть.

– Я же говорил, он тоже нас увидит! Он помогал строить замок! – из-за большой статуи слона в углу раздался взволнованный, почти ликующий голос.

– Конечно, Мбу. Но дело не только в этом, – спокойно ответил мистер Ивó, так и продолжавший измерять шагами длину зала. – Вы забыли о девочке, которая боялась с нами играть. Сюда едет девочка, которая боялась с нами играть.

Я и Макс одновременно поворачиваемся друг к другу с гримасой «А ты понял, о чем это он?»

Затем мы вопросительно смотрим на мистера Ивó сквозь еще не зашторенные окна главного зала. Но он прикрывает глаза, наклоняет голову к груди, на которой покоятся его скрещенные руки – на сегодня аудиенция окончена.

Мы видим в действии полуручной механизм, созданный нами самими: два человечка, поднимая рычаги, закрывают створки-ставни (две полуарки) с рисунком, повторяющим символ герба.

Уставший Фрэд уткнул свой влажный нос в мою ладонь – пора домой.

Сейчас я строю маленькую улицу, одну из тех, что будут радиальными линиями расходиться от замка – таким мы задумали город. Несколько одно- и двухэтажных домиков и ограда с дверью для парка песочных фигур (с ними сейчас возится Макс) уже готовы. Я вымащиваю «дорогу» ракушками и плоскими камешками, фигурка альбатроса, «прорисованная» разноцветными стекляшками, смотрит на замок. Мы назвали эту улицу Тропой Птицы (конечно же, предварительно спросив согласия мистера Ивó).

Едва закончив с птицей, я вздрагиваю (не от испуга, а от неожиданности), услышав шум мотора и приветственный лай Фрэда.

Повернув голову в сторону источника шума, я удивляюсь еще больше: в нашу сторону направляется девушка, совсем не песочная, из плоти и крови, в просторных тонких брюках чуть светлее песка, кофточке ажурной вязки, надетой поверх купальника, волосы (сейчас непонятно, какого они цвета) повязаны тонким шарфом, на симпатичном загорелом лице едва заметен макияж, легкие сандалии она держит в руке, мягко ступая босиком по песку, на запястье – браслет из ракушек и жемчужин. Я где-то уже видел такой, но это было так давно... Моя голова снова как будто взрывается.

Мне едва ли десять. Вчера я построил на песке замок, самый красивый из всех, что я когда-либо мастерил, рисовал или воображал себе, и – сейчас это почти что сводит меня с ума – в нем появились маленькие человечки с кожей, похожей на самый чистый песок, разбавленный жемчужной крошкой перламутрового оттенка. Они совсем не страшные, наоборот, красивые и улыбчивые, их движения полны достоинства и грации. Я очарован ими, но, пожалуй, не готов принять то, что вижу, и вряд ли я когда-нибудь расскажу кому-нибудь о них.

Сейчас в деревушке полно туристов, и торговля сувенирами идет как никогда хорошо. Дядюшка все ночи проводит в своей мастерской, чтобы утром пополнить прилавок.

Я стою на холме, смотрю на замок сверху, представляя, как линии песочных улиц превращают его в целый городок.

К замку подходит девочка. Едва ли старше меня. Ее волосы такие светлые, как будто их тоже сделали из песка. Она присаживается на корточки и протягивает ладонь к одному из окон. На ее пальце сверкает перламутровая искорка, прыгает по руке, взбирается на плечо, теряется в волосах. Девочка смеется – звонко и счастливо. Я не верю своим глазам: она тоже их видит.

– Сумасшедшая Сара опять возится со своими ракушка-

ми!

К ней подходит девочка постарше, такая довольная собой, что кажется, она сейчас лопнет. Она держит за руку мальчика, лицо которого напоминает самый кислый на свете лимон. Противным голосом он изрекает:

– Пойдем отсюда! У этой помешанной опять галлюцинации.

Сладкая парочка удаляется.

Девочка с песочными волосами встряхивает головой – перламутровая искорка падает вниз – встает и уходит в другую сторону, не оглядываясь. Ее лицо очень бледное, но она не плачет.

Бедная Сара. Над ней смеялись, потому что она видела то, что другие видеть не хотели или не могли. И это «нечто» было (по крайней мере, отчасти) делом моих собственных рук.

Бедная Сара.

Потом я видел ее еще раз: она купила браслет у дядюшки, я как раз помогал ему за прилавком, но тогда я был буквально убит горем (это было сразу после шторма) и даже не ответил на ее улыбку.

* * *

Сейчас в замке мистера Ивó какая-то суэта. Поверх герба на верхней башне два человечка крепят кусочек белой ма-

терии. Я не знаю, где они успели раздобыть его. Наверное, стянули из моей коробки. Песочный замок встречает Сару белым флагом.

Через пару минут мы трое уже смеемся во весь голос, каемся по песку, обнявшись. Счастливый пес носится вокруг нас, пытаясь облизать всех сразу.

* * *

Уже три года в деревне не было сильного шторма. Домики заново отстроены, здесь даже живут ребятишки, и школа снова работает. Максимум здесь очень нравится. Он помогает мне делать «домики», когда заказов очень много, а Саре – ухаживать за малышкой.

Городок мистера Ивó в полном порядке. Правда, его слишком часто фотографируют туристы, поэтому человечкам иногда приходится подлатывать свои домики и улицы ночью, когда люди на пляже чуть поодаль заняты совсем другим.

И, кажется, всех это устраивает.

Сон. Любовь. Перевоплощение

Inside me is unusual tree, whose leaves and roots are disagreeing.

And there is a Small Butterfly, which has its own sky.

Ты обнимаешь мой ствол. Я оплетаю тебя корнями. Вместе мы уходим под землю. Мягко, тепло.

Все глубже и глубже. Нам жарко. Мы улыбаемся и смеемся. Вдруг ты говоришь: «Давай посадим дерево!» Наклоняешься ко мне и осторожно срываешь зубами один лист, быстро уходишь и прячешь его куда-то.

Я делаю вид, что хмурюсь. Но когда ты возвращаешься, ветви сами тянутся к тебе, и серебристые серьги обрушиваются на нас сумасшедшим дождем.

Вдалеке слышны раскаты первого грома этой весны.

* * *

Ночь была душной. Хейли встала, чтобы открыть окно настежь и глотнуть чая со льдом. Комната, где она жила в последнее время, была уютной и тихой, несмотря на то что сама квартира находилась в высотном доме оживленного рай-

она с нескончаемым движением людей и машин.

Под окном раскинулся как будто чудом оказавшийся здесь оазис из высоких благородных деревьев, хвойных и лиственных, прячущих свои мудрые корни под игривым ковром на удивление душистых трав и легкомысленно-золотистых цветов.

Вдыхая смешанный волнующий запах летней ночи большого города, Хейли, прикрыв глаза, мысленно совершала путешествие по уже хорошо знакомым местам. На соседней улице есть широкая старая лавка, любезно спрятавшаяся под большим кустом, растущим прямо за автобусной остановкой, где можно часами сидеть, празднично глаза по сторонам и беспечно болтая ногами – и никто-никто тебя не заметит.

В узком проулке неподалеку от магазина старинных безделушек есть кованые ворота без замка, без труда приоткрыв которые, ныряешь в глухой двор-колодец с окошками-бойницами вместо пластиковых витрин, булыжной брусчаткой вместо асфальтовых дорожек, бесчисленным количеством граффити-шифров и настенной переписки влюбленных школьников на годами не обновлявшейся отделке.

А если повернуть за угол, пройти пару кварталов налево, осторожно проскользнуть по самому краю шоссе, мимо старых заводских складов и протиснуться сквозь расшатанные прутья ржавеющей ограды, можно попасть в заброшенный парк, где замшелые древесные стволы оплетены вьюном, где запахи бензина и пыли теряются в лабиринте разномастной

листы, где над маленькой – непонятно где берущей начало и неизвестно в каких зарослях травы теряющейся – речкой как будто парит полуразрушенный мостик из старого камня.

Часто Хейли, забывшись, простаивала здесь до темноты, пока уже спустившаяся вечерняя прохлада не заставляла ее, начав дрожать, вернуться к реальности, где ее тело, опирающееся на едва ли надежный край мостика, ныло без движения, а онемевшие пальцы машинально поглаживали холодную, влажную, пористую поверхность.

Сейчас Хейли живо вспомнилось русло маленькой прохладной речушки с прозрачной водой и миниатюрными рыбешками, с кусочками желтоватых травинок, скользящих над песчано-илистым дном. Этот маленький непостижимый мир зачаровывал и манил ее к себе. Притягивал и забирал. Забирал, потому что она была готова уходить.

Она стояла у окна, как будто в пол-себя находясь здесь; была, дышала и чувствовала. И все же, какой-то – незаменимый, неповторимый и важный кусочек ее внутреннего мира – был навсегда оставлен где-то, куда она уже не сможет вернуться, чтобы найти и забрать его. Она забыла дорогу к разноцветному домику, в котором беспечно жил ее внутренний ребенок. Она больше никогда не будет держать его за руку, смеясь и танцуя на мостовой под проливным дождем.

Она стояла у окна, не замечая, как слезы чистыми крупными бусинами звонко разбиваются о пустой подоконник, стояла, не чувствуя ног и не ощущая опоры. Стояла и таяла.

Она не могла бы сказать, сколько времени прошло с тех пор, как они совсем перестали звонить или писать друг другу. Но она точно знала, что именно с этого времени ее неотступно преследовали сны.

Раньше она никогда не видела снов, или не помнила о них. Теперь же она относилась к ним, как к живым существам: существам, которым не требовалось разрешения на то, чтобы познакомиться поближе, существам, которые не стучали в дверь перед тем, как собирались войти – они просто крали. Крали ее у самой себя, бесцеремонно возвращая в постель использованной оболочкой.

И было еще кое-что. Кое-что, что она знала наверняка: он тоже был там. Был и помнил.

* * *

Ты стоишь у самого края крыши, я стою напротив, у другого края.

Твои огромные печальные глаза безучастно смотрят вдаль. Бешеный ветер треплет твои небрежные волосы.

Мы соединены тяжелой цепью. Ни один из нас не двигается. Небо становится свинцово-колким. На моих руках появляется лед. Сколько мы так стоим, неизвестно, но я больше не могу терпеть и делаю шаг вперед.

Ни секунды не колеблясь, ты отступаешь назад. Мое сердце едва не вырвано под твоей тяжестью.

Я просыпаюсь. Идет снег.

* * *

Мэри и Джек были приветливыми людьми среднего возраста: статный, полный достоинства мужчина и нежная женщина с лучистыми глазами, – с виду абсолютно довольные жизнью, души не чающие друг в друге, каждый по-своему успешен в собственном деле.

Мини-роботы, спроектированные в лаборатории Джека, работали в больницах и научных центрах, сортировали продукцию на складах, помогали обрабатывать растения растворами, убивающими паразитов, преобразовывали солнечную энергию и даже летали в космос.

Каждому и своих «детей» Джек давал индивидуально-выдуманное, по звучанию всегда похожее на человеческое, имя. Он чутко следил за успехами и неудачами каждого и, без сомнения, гордился своими малышами. На стенах кабинета и гостиной уже не хватало места для фотографий, подписанных: «Рокки и Бренни строят свой первый анализатор»; «Мокки-младший по дороге на космодром»; «Тод и Флик ремонтируют квантовый компьютер» – Такого рода мини-отчеты о жизни его большой механической семьи постепенно заполняли всю их добротной обставленную и слишком уж просторную для всего двоих людей квартиру.

Мэри целыми днями – часто до позднего вечера – пропа-

дала в маленькой мастерской, где по ее эскизам ученики создавали чудесные миниатюрные фигурки, декоративную посуду, оригинальные вазы и горшки для цветов, или же просто тренировались в искусстве лепки и обжига, проявляя изобретательность и воплощая в жизнь собственные – иногда довольно смелые – фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.